

Поворот к антиутопии: Курт Воннегут и Алесь Адамович

Перемены, происходящие в мире (порождение «массового» человека, агрессивное становление технократической цивилизации, угроза экологических катастроф), заставляют писателей искать новые приемы и подходы в литературе для отображения этих изменений. Активными участниками таких поисков были американский писатель Курт Воннегут (1922 – 2007) и его белорусский коллега Алесь Адамович (1927 – 1993). Проблематика прозы одного и другого была связана с тревогой перед грядущим, чреватой экологической катастрофой, критикой дегуманизированного технократического общества, проникнутого человеческим эгоизмом и бесконтрольностью разума. Характерной особенностью произведений является тяготение к жанру антиутопии и открытости авторской позиции в отображении «крайних» ситуаций, имеющих место в современном мире.

К. Воннегут всегда, как и А. Адамович, высоко ставил роль писателя в современном мире: «Я продолжаю считать, что художники – все без исключения – должны цениться как системы охранной сигнализации» [2, с. 7]. Это многое объясняет в творчестве самого Воннегута, в идейном содержании его произведений, в которых он, как можно было заметить, особенно настойчиво разрабатывает три проблемы: антивоенную, необходимость контроля над техническим прогрессом и спасение природы. Все это можно найти в романе «Завтрак для чемпионов, или Прощай, черный понедельник» (1973) – самом знаменитом романе К. Воннегута, задуманном писателем как итог всего творчества. Автор выступает как большой скептик, уверенный в том, что эгоизм и коварство человека заложены в самой его природе, они свойственны человеку вообще. В «Завтраке для чемпионов» и некоторых других романах присутствует образ писателя Килгора Траута – своеобразное alteregосамого К. Воннегута. Траут, главный герой романа, обращает внимание на медленные, но глобальные и необратимые изменения, имеющие место на нашей планете. Другой герой произведения – Двейн Гувер, являющийся владельцем агенства по продаже автомобилей, запрограммирован исключительно на наживу и неблагоприятные поступки. В «Завтраке для чемпионов» писатель называет Землю «подпорченной планетой», где большая часть ограниченных ресурсов переводится в отходы и мусор, загрязняющие ее. В острой иронической манере Воннегут напоминает о том, что в США отравляют атмосферу, а обилие промышленных предприятий ведет к уничтожению чудесных уголков природы. Создается впечатление, что люди занимаются самоубийством,

самоуничтожением. В романе звучит тревога за будущее американского общества «потребления», за будущее всего мира, за навязываемую «массовым» обществом стандартизацию духа.

В книге «Судьба хуже смерти. Автобиографический коллаж 80-х» (1991) писатель отразил растерянность человека нашего времени перед зашедшей в тупик современной цивилизацией, бессмысленность его усилий по исправлению современных нравов. Для писателя наука является не двигателем прогресса, а инструментом власти, будущее повторяет прошлое, движение истории происходит по замкнутому кругу, что порождает энтропию, стремление к гибели. Воннегут в целом не сомневается в том, что люди обязаны чувствовать ответственность за все, что происходит на нашей планете, одна из его идей – человек является частью природы и подчиняется ее законам, а прогресс – всего лишь мутация, уродство. По его мнению, человек может уничтожить себя и среду своего обитания, но перед природой как таковой человек бессилен. Изучая разные науки о Земле, писатель приходит к выводу о том, что природа не нуждается в помощи, она сама с легкостью устраивает лесные пожары, наводнения, образует пустыни, обледенения. «Считающие, что природа – друг человека, могут не наживать себе других врагов» [2, с. 562]. И далее: «Если мы опустошим эту планету, Природа опять восстановит жизнь. Для этого понадобится всего несколько миллионов лет или около того, миг для Природы» [2, с. 562]. Для того чтобы сохранить Землю, писатель выдвигает несколько пунктов, из которых следует отказаться от идеи покорения природы и веры во всемогущество науки, улучшить экологию, уменьшить население планеты и прекратить войны. Воннегут исходит из убеждения об идентичности человека и остального живого мира, т.е. самоценностью обладают не только люди, но все сущее. Эта мысль явилась стержнеобразующей для современного направления США – «глубинной экологии», расцвет которой пришелся на 1970 – 1980-е годы XX века. В основу ее легла критика антропоцентризма и утилитаризма современной цивилизации и этическое осмысление взаимоотношений человека и природы.

Тема глобальной ядерной катастрофы раскрывается в повести А. Адамовича «Последняя пастораль» (1984). Автор изображает мир после ядерного столкновения двух держав – СССР и США. Герои – Он и Она – оказываются на острове, чудом сохранившийся среди охваченной пламенем планеты. Достигнув определенной точки развития, наука стала угрозой для человека, элементом власти и насилия. Адамович, как и Воннегут, стремится отразить опасность рукотворного апокалипсиса. Для воплощения данной идеи выбрана структура, основанная на антитезе. Перевернутый мир,

отторгающий от себя любовь, несовместимый с жизнью и ее продолжением, выполнен в форме антиутопии.

Особая роль в тексте принадлежит эпиграфам, в частности отрывками из поэмы Я. Купалы «Она и я». Но если поэма – это торжествующая песнь «земли и жизни», то «Последняя пастораль» – реквием «по земле и жизни». Произведения, объединенные общей темой любви, расходятся в главном: в поэме возлюбленные органично вписаны в природное пространство, растворены в нем. В повести природа становится опасной, непригодной для жизни, издающей трупный запах. Мужчина и женщина, выжившие после катастрофы, питаются дождевыми червями, воспевают молитвы Дажь-богу, живут в пещере и каждое утро скашивают цветы-грибы, от которых «несет падалью» [1, с. 499]. Трагедия героев заключается в том, что они пережили гибель Земли, став свидетелями наступившего конца света. «С природой что-то неладное, непонятное творилось – впрочем, чему удивляться? – в судорогах предсмертных она силилась, спешила еще что-то напоследок, под занавес, родить, произвести, но разлаженный гниющий механизм выбрасывал из недр своих нелепейшие комбинации, бессмысленные и бредовые, вроде тех трехголовых крыс, насмерть ранящих, загрызающих самих себя» [1, с. 515].

В эпиграфе к третьей главе, взятой из купаловской поэмы, говорится о том, что Он и Она ощутили себя Адамом и Евой в райском саду, «У раігэтымвечербыў нам бог і свят, / Вецьвямішлюб давала дрэва...» [1, с. 506]. В «Последней пасторали» природным фоном является не яблоневый сад, а мертвый остров, а герой повести осознает, что «уже никогда не будет, ...не будет вот так, это последнее» [1, с. 523]. «Перевернутое» существование ощущается во всем: «Странный мир, в котором мы оказались, диктует нам, определяет наше поведение, даже если оно против здравого смысла. Смысл-то этот здоровым когда был? Когда и мир был совсем иным» [1, с. 508]. Героев окружает искусственный пейзаж, где планеты движутся по кругу, луна исчезла, а небо «постоянно сонное» [1, с. 519], напоминает куриный усохший глаз. В эпиграфе к пятой главе звучит тема дома: «Сядзь на пасэчны кут, мая багіня, / І будзем думы думаць аб сабе» [1, с. 514]. Пещера, в которой живут Он и Она, наводит ужас. Герои соседствуют с пауками, крысами «с несколькими головами», которые пожирают друг друга, а когда они пропали, из «разлаженного чрева жизни выбросило вот это – рыхлые огромные цветы» [1, с. 515]. Природа в повести отторгает влюбленных, после первой брачной ночи для них не только невозможно слияние с ней, но ощущение гадливости: «В конце концов и с цветами то же самое: Ей кажется, что от них непереносимая вонь, и я поступаю так, словно не цветы это и даже не грибы,

а вскрытое массовое захоронение» [1, с. 519]. Мир пропитан радиацией, существует в «перевернутом» виде, однако Мужчине и Женщине дана попытка вернуть Земле ее жизнь, надо только, «чтобы Она вспомнила, Земля вспомнила» [1, с. 523]. Трагизм героев заключается в том, что вместо природы после взрыва осталась лишь «стерильная планетка», «крематорий» [1, с.525], а им, последним на земле, уготована роль свидетелей собственной трагедии, которая заключается в том, что человек сам преступил черту дозволенного, нарушил закон «Великого инстинкта» [1, с. 532].

Попытка выжить успехом увенчаться не может: остров накрывает радиоактивный мрак, поскольку последние земляне наносят «престижный» «последний удар», чтобы истребить все живое не только в воздухе и на суше, но и в воде. Она превращается в Старуху, «сидит бесчувственно-неподвижно, на голове и коленях, на плечах, руках какие-то водоросли, точно кто-то хотел, старался все-таки прикрыть этот ужас распада» [1, с. 590], и никогда не станет матерью. Вместе с ней суждено погибнуть и бывшим противникам, ставшими на острове «Всекаинами», и Мужчине. Смерть соединила их навеки, и надежда на то, что «ўсё, усё вернется, каханая мая!» [1, с. 594] не оправдала себя. В последней главе повести в качестве эпитафии начертана научная формула Альберта Эйнштейна. Тем самым автор подчеркивает мысль о том, что наука становится инструментом власти, человеческих амбиций и насилия над планетой и ее обитателями: «Исчезли последние свидетели собственной трагедии, и она тотчас перестала быть трагедией и стала рутинным физическим процессом превращения, падения энергии в ничтожно малом уголке Вселенной» [1, с. 594].

В повести Адамович опровергается жанр, который вынесен в название произведения – пастораль. Развенчанию идеи мирной жизни (пасторали) способствует система эпитафий, которые раскрывают и углубляют философский компонент произведения, подчеркивая трагедийное развитие распада мира.

Так выглядели писательские поиски и достижения американца К. Воннегута и белоруса А. Адамовича. При всей оригинальности и непохожести их творческих индивидуальностей, национальном своеобразии, у них, как можно было убедиться, много общего, немало типологических сходжений, продиктованных вызовами времени, требующего от писателя публицистичности, искреннего, открытого взгляда на мир.

Литература

1. Адамович, А.М. Хатынская повесть. Каратели. Последняя пастораль: повести / А.М. Адамович. – М. : Советский писатель, 1989. – 640 с.

2. Воннегут, К. Собрание сочинений : в 5 т. : пер. с англ. / К. Воннегут. – М. : Старт, 1992. – Т. 2. – 445 с.

3. Смирнов, А.Ю. Антиутопический дискурс в белорусской литературе XX – начала XXI в. / А.Ю. Смирнов // Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XXI веков : к 70-летию каф. рус. лит. : сб. науч. ст. : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: С.Я. Гончарова-Грабовская (отв.ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – Ч. 1. – С. 169–174.

4. Смирнова, А.И. «Не то, что мните вы, природа...» : рус. натурфилос. проза 1960–1980-х гг. / А.И. Смирнова. – Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1995. – 191 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ